УДК 323.1(430):316.65(410) DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-2-49-60

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Faculty of History, Orel State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГЕРМАНИИ В 1861 ГОДУ В ОЦЕНКЕ АНГЛИЙСКИХ СОВРЕМЕННИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «THE SPECTATOR»)

NATIONAL QUESTION IN GERMANY IN 1861 IN THE ASSESSMENT OF ENGLISH CONTEMPORARIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE WEEKLY «THE SPECTATOR»)

Аннотация. Основная цель статьи посвящена вопросам презентации политических событий в Германии в 1861 году на страницах британского периодического издания «The Spectator». Основной акцент сделан автором на анализе освещения английскими журналистами специфики национального вопроса в Германском союзе: позиций немецких политических группировок по проблемам объединения страны, осознания англичанами сложности шлезвиг-голштинской проблемы, их оценок роли Вильгельма I в предстоящем объединительном процессе, а также их осмысления места Пруссии на европейской международной арене.

Ключевые слова: «The Spectator», Германский союз, Пруссия, Вильгельм I Прусский, национальный вопрос, Шлезвиг, Гольштейн.

Abstract. The main purpose of the article is devoted to the presentation of political events in Germany in 1861 on the pages of the British periodical “The Spectator”. The main emphasis is made by the author on the analysis of the coverage by Englishmen of the specifics of the national issue in the German Union: the standpoint of German political groups on the problems of unification of the country, the British awareness of the Schleswig-Holstein problem complexity, their assessments of William I role in the upcoming unification process, as well as their understanding of Prussia’s place in European international arena.

Keywords: The Spectator, The German Union, Prussia, Wilhelm I of Prussia, the national question, Schleswig, Holstein.

Великобритания в середине XIX века являлась ведущей страной мира. В силу своего преобладающего положения, как в экономическом, так и в политическом плане на международной арене она стремилась в той или иной степени влиять на внутри- и внешнеполитические курсы европейских стран. Интерес к жизни европейских народов у англичан был постоянным, тем более он подкреплялся широкой издательской и публицистической активностью британских журналистов. Во многом общественное мнение жителей Соединенного Королевства формировалось под влиянием многочисленных периодических изданий и прессы, которые в рассматриваемый период выходили значительными тиражами и в силу приемлемой ценовой политики были доступны самым различным слоям

британского общества. В данной статье предпринята попытка проанализировать ряд публикаций в британском периодическом еженедельном издании «The Spectator» только за один 1861 год, посвященных политическим событиям и жизни жителей Германии.

1861 год в истории европейских стран занимает особое место. В результате роста националистических тенденций активизировались объединительные процессы на Европейском континенте. Пьемонт встал на путь объединения, начав в 1859 году совместно с Францией войну против Австрии. Рисорджименто успешно завершается образованием в марте 1861 года Итальянского королевства. Непростые времена переживает Австрийская империя. Габсбурги сталкиваются с обострением национальных проблем, особенно связанных с венгерским вопросом, при этом продолжается конкурентная борьба с Пруссией за лидерство в Германском союзе. Национальный вопрос с особой силой обостряется в немецких государствах, особенно в Пруссии, в которой усиливается пропаганда за создание единого государства под эгидой династии Гогенцоллернов.

Германские государства в начале 60-х гг. XIX века привлекали внимание английских современников. Анализ публикаций, посвященных различным аспектам внутриполитической жизни жителей этих государств, и в первую очередь Пруссии, дает основу для формирования представлений о взглядах британцев на жизнь «других», об их отношении к политике европейских государств, тем самым позволяет оценивать их позиции по отношению к политике своего правительства. Важным является и то, что знакомство с этими публикациями предоставляет возможность очертить круг тех интересов читателей, которыми руководствовались их авторы, что, в свою очередь, способствует пониманию (в полной или не совсем в полной мере) духовного мира британцев средневикторианской эпохи.

В середине XIX столетия в Великобритании издавалось множество периодических изданий, охватывающих разнообразную проблематику и стремившихся удовлетворить различные вкусы читателей. В центре нашего внимания издание «The Spectator» («Зритель»), которое было основано в 1828 году, не принадлежало открыто никакой партийной группировке, поскольку не придерживалось каких-либо конкретных политических направлений, но в целом было консервативно настроенным политическим еженедельником.

Интерес англичан к Германии и немцам был довольно специфическим. В одной из публикаций журнала «The Spectator» было утверждение, что из всех стран Европы Германия была той страной, которую жители Британских островов посещали меньше всего. «Ее язык широко известен, ее города знакомы, как Париж, ее народ более тесно связан с нашим, чем французы или итальянцы», – отмечалось в журнале [8, 1 June, P. 582]. Но при этом было подмечено, что англичане с очень «большой неохотой» интересуются немецкой политикой. В оценках журналистов германской политики отчетливо звучит определенная доля типичного английского снобизма. Примечательным в этом отношении будет следующее их высказывание: «По правде говоря, немецкая политика слишком похожа на немецкую метафизику, всегда тонкую и часто глубокую, но туманную и утомительную до последней степени» [8, 1 June, P. 582]. Однако германская проблематика все же присутствует на страницах данного журнала. Можно выделить несколько тем, которые привлекали внимание британских журналистов и читателей. К их числу следует отнести такие вопросы, как роль Германии в европейской политике; Пруссия, ее правители и внутренняя политика; перспектива обра-

зования единого германского государства и, конечно, шлезвиг-голштинская проблема.

Германия середины XIX века представлена на страницах «The Spectator» как страна достаточно слабая в отличие от тех времен, когда правил Фридрих II – «самый удачливый из монархов своего времени». По мнению журналистов, жители страны бережено хранят о нем память, так как после него не было ни одного «суверенного» правителя, который бы обладал хотя бы десятой долей его способностей «как государственного деятеля или воина». **«**Посредственность царила безраздельно там, где глупость не узурпировала ее место» [8, 5 Jan., P. 11; 9, 20 Jul., P. 778], – следовало заключение. С момента смерти Фридриха Великого Германия «блуждала и кружилась в водоворотах революции и деспотизма», она не смогла ни создать политических институтов (видимо, подразумевался представительный орган наподобие британского парламента – Т. Г.), ни выдвинуть политического деятеля или деятелей, которые могли бы заменить их. А в настоящее время в Германии вместо Фридриха II правит Фридрих Вильгельм IV, а вместо объединенной страны «Европа имеет то, что мы (англичане – Т. Г.) теперь видим – богатую и слабоумную федерацию, бессильную для добра, могущественную для зла» [8, 1 Jun., P. 582].

Все же необходимо отметить, что основное внимание журнал уделяет внутри- и внешнеполитическим делам Пруссии. 2 января 1861 года скончался король Пруссии Фридрих Вильгельм IV из династии Гогенцоллернов, правивший страной с 1840 года. Правда, в октябре 1857 года с королем случился удар и управлять государственными делами стал его брат, шестидесятилетний принц Вильгельм Прусский, которому через год (в 1858 году) по королевскому указу передавались прерогативы регента. Оценки деятельности Фридриха Вильгельма IV, данные «The Spectator», отличаются определенной лояльностью, а где-то и снисходительностью. Англичане отзываются о нем как о хорошем, вдумчивом, утонченном, учтивом, доброжелательном человеке, «любителе искусства и литературы». По их мнению, он был более пригоден для жизни ученого, чем для жизни, исполненной королевских обязанностей. Но при этом пишут, что у него были устремления, которые больше были характерны для детского воображения, а не для серьезных суждений. Таким образом, прусский король выступал этаким мечтателем, который стремился реализовывать свои политические замыслы так, как он хотел или воображал, а не так, как «суровый факт диктовал как осуществимое». Такая оценка характера прусского правителя совпадала и с мнением немецких современников. В частности, младогегельянец Давид Штраус назвал Фридриха Вильгельма IV «романтиком на троне», так как тот придерживался «прямотаки средневековых взглядов на священную неприкосновенность христианско-феодальной монархии» [3, С. 325]. Журналисты отмечали отсутствие у него последовательности в проведении своей политики. «Попеременно решительный и колеблющийся», как они пишут, Фридрих Вильгельм IV инициировал либеральную политику (результаты мартовской революции в Пруссии 1848 года – Т. Г.) [более детально см.: 3, С.324–326; 4, С. 61–81], которая, как показал опыт, «не соответствует по форме и содержанию фактам современного мира». В качестве примеров его непоследовательности и «слабой натуры» они приводят такие факты, как то, что в период революции 1848–1849 гг. «он позволил реальному руководству Германией ускользнуть от него». Весной 1849 года он отказался принять имперскую корону в соответствии с конституцией, разработанной франкфуртским парламентом. «The Spectator» по этому поводу замечает, что сам Фридрих Вильгельм IV объяснял свой посту-

пок тем, что он отказался «от императорской короны не потому, что он этого не хотел, или не потому, что это было не выгодно его народу, но потому, что способ ее вручения (т. е. парламента, порожденного революцией – Т. Г.) повредил ее королевской святости». «Слабость» короля проявлялась и в том, он «в 1850 году он отказался от поддержки конституционалистов Гессен-Касселя (небольшое немецкое имперское княжество в рамках Германского союза – Т. Г.), а в 1853–1854 гг. не произнес ни слова, которое могло бы остановить русскую войну (Крымская война 1853–1856 гг. – Т. Г.)» [8, 5 Jan., P. 11; 9, 20 Jul., P. 779].

Однако англичане отдают должное Фридриху Вильгельму IV, так как именно благодаря ему Пруссия имеет парламент и то, «что остается ей от конституции». Имя Фридриха Вильгельма IV будет записано на бумаге, пишет «The Spectator», поскольку в будущем «его какой-нибудь удачливый и способный преемник» укажет на один очень его важный «дар», на который ни один человек не обращал внимание. Король выступал за то, что «Пруссия – это немецкая держава, которая признала, что она придерживается принципа национального единства» [8, 5 Jan., P.11].

Отдав должное умершему Фридриху Вильгельму IV, английские журналисты обратили свой взор на принца-регента Вильгельма, провозглашенного королем Пруссии 2 января 1861 года под именем Вильгельм I Прусский.

В центре их внимания были сама личность прусского монарха и его внутренняя и внешняя политика. Когда знакомишься с публикациями журнала «The Spectator», посвящёнными Германии, невольно на ум приходит высказывание Отто фон Бисмарка, сделанное им несколько позднее, в 1862 году, в одном из писем к своей жене: «…Английские министры знают о Пруссии еще меньше, чем о Японии или Монголии <...>» [4, С. 131]. Это отчасти относится и к английским журнальным публикациям. С одной стороны, содержание статей нередко носит поверхностный характер, и поскольку журнал являлся еженедельным изданием, то, как правило, статьи представляли собой реакцию журналистов на недавно произошедшие события, без проведения должного анализа. Но, с другой стороны, все же в журнале встречается ряд публикаций, в которых предпринимались попытки более детального рассмотрения тех или иных аспектов важнейших проблем политической жизни Германии, в том числе Пруссии.

Уже в февральских публикациях «The Spectator» пытается обрисовать ту сложную политическую ситуацию, в которой оказалась Пруссия в начале 1861 года. На повестке дня ее политической жизни стоял вопрос о проведении военной реформы, инициатором которой выступил Вильгельм, будучи ещё принцем-регентом, и его ближайшее окружение [более детально о военной реформе см.: 1, P. 315–318]. Необходимость проведения преобразований в армии осознавали представители различных кругов прусского общества. Однако реализация самой военной реформы вызвала серьезное сопротивление прусской буржуазии и примыкавших к ней других слоев общества. Реформа значительно усиливала позиции дворянства, так как офицерство преимущество формировалось из юнкерства, а ее проведение требовало больших денежных затрат, на что нижняя палата депутатов, избранная на основе трёхстепенных выборов, идти не хотела. Поэтому необходимые для ее реализации средства выделялись палатой или временно, или совсем не выделялись. Назревал конфликт между властью и парламентом.

«The Spectator», касаясь темы военной реформы, в целом выступает на стороне короля Вильгельма. «С разбросанными территориями, с еще не однородным населени-

ем, без флота и с доходами, достаточными для ее нужд, но не для ее положения, у Пруссии есть только один шанс сохранить свое европейское положение – она должна быть в состоянии противостоять любой первоклассной силе на суше», – заявляют они. И чтобы противостоять этой силе, «военная система Пруссии должна быть реорганизована» [8, 26 Jan., P. 81]. Причём для Пруссии военная реформа означает гораздо больше, чем трата денег. Ее реализация потребует достаточных усилий от каждого жителя Пруссии, поскольку реформа подразумевает не только увеличение налогов, «но и увеличение страданий, усиление дисциплины, потерю времени, более досадное вмешательство в его дела и удовольствия». Реформа такого масштаба даже в Германии может быть осуществлена только с согласия населения, заключает журнал [8, 26 Jan., P. 81]. Более того, в качестве серьезного аргумента проведения данной реформы английские журналисты, не стесняясь, используют, если можно так сказать, «французскую угрозу». Вильгельм I ясно говорит своим подданным, что французское завоевание близко и население Пруссии должно об этом знать. Он предупреждает их об этом, говоря о «борьбе, в которой мы (пруссаки – Т. Г.) должны победить, если не хотим быть уничтоженными». А, по мнению англичан, угроза действительно существует со стороны Франции, так как «для француза Рейн кажется его естественной границей» и «Наполеоны стремятся возместить потери своего основателя» (Наполеона I – Т. Г.). Франция вооружается как империя, а Австрия, атакованная Италией и имеющая проблемы с Венгрией, вряд ли сможет выделить военные силы для защиты чужих границ, Германский союз также не окажет помощи, так как не имеет единого военного руководителя. Следовательно, предупреждение, сделанное королем, нельзя считать преждевременным, заключает «The Spectator» [8, 26 Jan., P. 81].

Другой сюжет, связанный именно с королем Вильгельмом I Прусским, был посвящен вопросам о методах его правления и создания централизованного германского государства. На рубеже 1850–60-х гг. в Пруссии оживилась политическая жизнь. Более активно стали проявлять себя либерально настроенные круги прусского общества, а вопрос об объединении всех германских государств и роли Пруссии в этом процессе с ярко выраженной аргументированностью встал на повестке дня.

Британский еженедельник достаточно объективно оценивает расстановку политических сил в Пруссии в рассматриваемый период. В июньском его номере была помещена статья, в которой был представлен анализ политических группировок, сложившихся к 1861 году в стране. Журнал пишет: «…Германия во время паралича Австрии быстро разделяется на два лагеря – сторонников, пользуясь наиболее знакомыми англичанам терминами, национальности и федерализма…» [8, 1 Jun., P. 583]. Что собой представляли, по мнению журнала, националисты?

Британские журналисты сразу отмечают, что их политика не так проста, как считают англичане. Во-первых, националисты действительно выступают за объединение Германии «в одно единое целое», но последовать примеру итальянских государств они не спешат. Во-вторых, они не стремились лишать власти «местных королей, отменить местные различия и безоговорочно слиться воедино». По мнению националистов, это означало бы стать просто провинциями Пруссии, что привело бы к возвышению данного королевства, а им нужно создание Германской империи. В связи с этим их целью является «перестройка существующей центральной власти», т.е. Союзный сейм должен

быть заменен германским императором, «обладающим всей властью, осуществление которой составляет неделимое государство», которого должен поддерживать парламент. В прерогативах императорской власти будут «все без исключения иностранные дела, все военные соглашения, все налоги, кроме местных, и, вероятно, все законодательство, включающие основные принципы». При этом местные короли «сохранят свое положение, но не власть, и Германия из бессильной федерации превратится в империю, первую в Европе по численности населения и, возможно, по военной силе». Вот в чем состоял план националистов, представленный журналом. Во главе политической группировки националистов стоял герцог Эрнест II Саксен-Кобург-Готский (1818–1893), (старший брат принца-консорта Альберта, супруга королевы Виктории – Т. Г.). Идеи герцога Саксен-Кобург-Готский находили поддержку, как отмечалось в еженедельнике, у «интеллигентных классов всей Германии из-за явного одобрения его замысла, и масс из-за несколько смутного стремления к национальности» [8, 1 Jun., P. 583]. Кстати, герцог прекрасно понимал роль Пруссии в рамках Германского союза. Весной 1860 года он в одном из писем, адресованном его брату – принцу Альберту, писал: «<…> игра Пруссии не должна быть проиграна. Все жалобы бесплодны; нужно действовать. Мой принцип и мои взгляды на этот вопрос остаются прежними. У Пруссии может быть только один союзник – национальная идея... Наполеоновская политика будет фатальной для Германии только в том случае, если она сможет предстать, как в Италии, освободителем и Спасителем…» [7, P. 15]. Чтобы привлечь Пруссию на сторону партии националистов, он предлагал императорское кресло Гогенцоллернам, хотя этот пункт в их программе был не столь уже популярным.

Вторая партия – партия федералистов – выражала интересы мелких немецких князей и принцев, которые «из местного патриотизма, провинциальных антипатий или личных интересов» были противниками централизации, поскольку видели в ней для себя опасность. Как писал журнал, некоторые принцы были безумно встревожены планом (присоединения к Пруссии – Т. Г.) «который, как они полагают, предполагает деградацию для них самих». Это чувство было настолько сильным, что, как считали в Германии, принцы Баварии, Вюртемберга, Ганновера, Саксонии и Гессен-Дармштадта объединились, чтобы противостоять «коварной политике прусского двора». Они также были склонны пойти на то, чтобы Франция выступила их защитницей. И как полагают англичане, федералисты в определенной степени одержали победу, так как «требование Пруссии о руководстве национальной армией было отклонено, и первый шаг к обмену федерации на империю был отложен». Но принцы находятся в довольно сложном положении в связи с тем, что их подданные настроены против Франции даже больше, чем против централизации, и предпочитают стать провинцией Пруссии, а не зависеть от Франции [8, 1 Jun., P. 583].

В целом «The Spectator» довольно критически характеризует политику прусского правительства. Открыто отмечается, что по сравнению с Италией поведение Пруссии представляется достаточно слабым. У короля Вильгельма есть два варианта решения вопроса. Первый – это четкая позиция против националистов, с одной стороны, а с другой – поддержка местных королей, что лишило бы их мотива «заглядывать за Рейн». А второй, напротив, должен быть направлен на явное продвижение в направлении единства. По мнению английских журналистов, открытая борьба короля за императорскую корону сплотит нацию под его знаменем и одновременно парализует интриги и власть других

немецких правителей. И вместо того, чтобы реализовывать тот или иной курс, «правительство Берлина исповедует идиотский нейтралитет. Оно умеряет энтузиазм, отвергая корону, и создает недоверие, прося об армии» [8, 1 Jun., P. 583].

Англичане не были бы англичанами, если бы не сравнивали другие народы с собой. Они заявляют, что именно безрезультативный курс «так отдаляет англичан от политики Германии». При этом они обосновывают британский интерес к германскому вопросу тем, что англичане заинтересованы в сильной Германии. «Империя в Центральной Европе, с одной армией, одной головой и одной политикой, стала бы последней преградой для России и Франции», – заверяет своих читателей еженедельник. И далее: «…Рейн едва ли будет вырван из рук германского императора, и шестидесятимиллионная империя не будет бояться враждебности Италии или Дунайского королевства. Мир во всем мире был бы снова обеспечен, и англичанам, уставшим от волнений двенадцати лет, постоянный мир кажется единственным желанным концом…» [8, 1 Jun., P. 583]. Однако берлинское правительство ведет себя робко, а между тем народ, утомленный колебаниями, не доверяя энергии Пруссии, верности князей и честности Франции, «безнадежно предается своим обычным мечтам». И, к сожалению, это может иметь серьезные последствия.

14 июля 1861 года на Вильгельма I было совершено покушение. Студент Оскар Беккер, уроженец Одессы, в Баден-Бадене стрелял в прусского короля, получившего незначительное ранение. Главным мотивом, побудившим Беккера совершить такой поступок, стало его убеждение, что Вильгельм не способен выполнить свои обязательства и является препятствием к объединению Германии. Естественно, такое событие нашло отклик в британской прессе, и еженедельник «The Spectator» посвятил ему специальную статью. Необходимо стразу отметить, что как в германских государствах, так и в других европейских странах, в частности в Англии, либеральные идеи и их политические сторонники сразу же стали подвергаться критике. Именно на прусскую либеральную партию была возложена ответственность за покушение на короля. Герцог Саксен-Кобург-Готский в своих мемуарах, касаясь этого события, писал, что покушение, которое он назвал «позорным и глупым», совершенное незрелым студентом на жизнь короля Пруссии, «породило опасение, что надежды немецкой нации могут снова задержаться еще на тридцать лет». Реакционная партия направила все усилия в Берлине на то, чтобы одержать верх и извлечь выгоду для себя, но все ее попытки были отвергнуты. И самое главное, отмечал герцог, что «король не позволит отвлечь себя от политической позиции, которой он до сих пор придерживался» [7, P. 62–63, 66]. Британский журнал назвал действия студента Беккера «глупо преступными». Однако, как и герцог Саксен-Кобург-Готский, еженедельник утверждает, что «король – храбрый человек», и «вряд ли его можно будет поколебать в своих намерениях». Он, хотя и медленно, но подвигается вперед в направлении, которое желают немцы, и его смерть была бы просто для них несчастьем.

Рассуждения британских журналистов о национальных чувствах немцев представляли определенный интерес для современников, в связи с этим стоит на них подробнее остановиться. В июльском номере журнала была напечатана статья, посвященная покушению на Вильгельма I, в которой подчеркивалось, что немецкий народ считал невыносимым злом то, например, что даже для принятия самого незначительного проекта требовалось ободрение тридцати двух судов, «что самая многочисленная из европейских рас должна иметь мало торговли и не иметь

флота» и что «Франция может угрожать воинственному народу, вдвое более многочисленному, чем галлы», что германская власть, германские цели и германская политика не должны иметь национальных представителей. Журналисты указывают на наличие двух факторов, которые отличают специфику германской политики: первый заключается в том, что «огромная масса образованных немцев страстно желает если не абсолютного единства, то, по крайней мере, политического единства для всей своей расы, не являющейся австрийскими подданными», а второй сводится к тому, что достичь эту цель можно только с согласия дома Гогенцоллернов [9, 20 Jul., P. 778]. Постоянно английские журналисты подчеркивают важность Пруссии в вопросе объединения страны и роль в этом процессе прусского короля. Они отмечают его колебания, объясняя это тем, что он это делает «больше из уважения к правам принцев, чем из страха подвергнуть риску свое королевство или свой трон». В то же время он не чувствует, что «национальная воля является единственным законным источником действия», следствием чего немцы воспринимают его действия как нерешительные, а это, в свою очередь, «возбуждает в немецком уме то раздраженное сомнение», кульминация которого стала у Беккера мономанией [9, 20 Jul., P. 779].

Положение Вильгельма осложняется тем, что усиливается в его сознании борьба между консервативными и либеральными принципами правления. «Если он решит играть за императорскую корону, он должен управлять Пруссией как конституционный государь, а не как глава бюрократии. Он не может поддерживать репрессивную полицию в Берлине и надеяться на плебисцит в Ганновере, поддерживать маленькую аристократию в Пруссии и просить Германию ослабить свою великую аристократию в его пользу», – заключает «The Spectator» [9, 20 Jul., P. 779]. В этой ситуации англичане не могли не дать совет прусскому монарху: «Пусть он только либерализует свое правительство в Пруссии, и нынешнее поколение еще увидит императора Германии, достаточно сильного, чтобы бросить вызов Франции и заставить Россию ограничить свое распространение на азиатскую сторону» [9, 20 Jul., P. 779].

Ряд публикаций еженедельника «The Spectator» были посвящены шлезвиг-голштинскому вопросу. Этот вопрос был достаточно сложным и запутанным. В отечественном издании «Истории дипломатии» (2005) отмечалось, что дело было не в юридических и генеалогических вопросах и что «в этих хитросплетениях, которых еще с XVIII века никто не мог распутать, не могли, конечно, разобраться ни Бисмарк, ни Пальмерстон, ни Горчаков, ни Наполеон III» [2, С.535]. Видный британский политический деятель, премьер-министр от либералов, лорд Пальмерстон в конце 1863 года, когда резко обострился вопрос о Шлезвиге и Гольштейне, заявил: «Во всей Европе еще недавно шлезвиг-гольштейнский вопрос понимали три человека – принц Альберт [муж королевы Виктории], один старый датчанин и я. Но принц Альберт, к несчастью, недавно умер; старый датчанин сидит в доме умалишенных, а я совершенно забыл, в чем там дело» [2, С.536]. Действительно, шлезвиг-гольштейнский вопрос был непростым.

Суть вопроса в целом заключалась в характере взаимоотношений Дании и включенных в ее состав двух провинций – Гольштейн и Шлезвиг – со значительным немецким населением. Пруссия, как известно, в 1848 году предприняла попытку его решить, начав первую прусско-датскую войну. Но под давлением европейских стран вынуждена была прекратить военные действия и отступить. Права Дании на Гольштейн и Шлезвиг были признаны всеми европейскими державами в 1852 году. В 1854 году было установ-

лено таможенное единство, а через год, в 1855-м, была принята общая конституция для всей монархии, поставленная выше конституций ее составных частей. Правда, в «Истории Дании» (2007г.) её автор Хельге Палудан отмечает, что с государственно-правовой точки зрения принятие этой конституции в октябре 1855 года являлось совершенно законным. Однако представители Гольштейна оспорили положения общей конституции, так как она не получила одобрение со стороны сословных собраний герцогств, что должно было соответствовать конституционному указу 1852 года. Гольштейн выступал за равный статус с Данией. Но датское правительство не пошло на дальнейшие переговоры [5, С. 292]. Это породило новые трудности, которые обострились к началу 60-х гг. Ф. Энгельс, как современник событий, отмечал, что в Гольштейне датское правительство не могло добиться от представительного собрания согласия на вотирование каких-либо налогов, в чем оно очень нуждалось. Даже созданный им совет королевства – «собрание, лишенное всякого представительского характера», который должен был якобы представлять Данию, Шлезвиг-Гольштейн и Лауэнбург, ничего не мог сделать в изменении взаимоотношений двух сторон. Но это не помешало датчанам «вотировать налоги для всей монархии, и на основе решений этого собрания правительство определило налоговые ставки для Гольштейна». Таким образом, заключает Энгельс, «Гольштейн, который должен был стать независимым и обособленным герцогством, был лишен всякой политической независимости и подчинен собранию, являющемуся по своему составу преимущественно датским» [6, С. 247–248].

Что же касается Шлезвига, то здесь сложилось более запутанная этническая обстановка: южная часть провинции была исключительно немецкой, в северных районах в городах проживало немецкое население, а в сельской местности – датчане, говорившие на испорченном датском языке, а литературным здесь с незапамятных времен был немецкий язык. Датское правительство после 1851 года пошло на то, чтобы разделить Шлезвиг на три округа – датский, немецкий и смешанный, что только усугубило сложную ситуацию в крае» [6, С. 247].

Таким образом, проблема заключалась, как отмечает британский еженедельник «The Spectator», в том, что вопрос, который нуждался в разрешении, был «не того рода, который требует применения одного отчаянного средства». Журнал пишет, что «датчане утверждают, что они выполнили обязательства, какие бы они ни были, взятые на себя в 1852 году. Немцы утверждают обратное. Оспаривается сама природа обязательства. С одной стороны, мы слышим об «условностях», с другой – о «понимании» …» [8, 26 Jan., P. 81].

Запутанный шлезвиг-голштинский вопрос встал на повестке дня перед германскими государствами в начале 60-х гг. Требование войны против Дании раздалось в германском обществе и в прусском, в частности, когда французский император Наполеон III вступил в австрийские владения Италии. Можно вновь сослаться на высказывание Ф. Энгельса, который заметил, что «неожиданный энтузиазм немецких правительств по отношению к шлезвиг-гольштейнскому вопросу менее всего является искренним», и «это, конечно, не подлежит сомнению…» [6, С. 248–249]. Надо отдать должное британским журналистам, что они также проявили прозорливость в оценке мотивов поведения германских правительств в данной ситуации. «Мудрость угроз, направленных против Дании, гораздо более сомнительна», – констатирует «The Spectator» в январском номере 1861 года. Касаясь позиции Пруссии в этом вопросе, журнал четко определяет мотива-

цию поведения Берлина: «Истинная цель прусского правительства <…> состоит в том, чтобы обеспечить по любому вопросу, каким бы тривиальным он ни был, признанное руководство Германии» [8, 26 Jan., P. 81].

В февральском номере еженедельника уже более детально анализируется шлезвиг-голштинский вопрос.

Во-первых, акцентируется внимание читателей на тех уступках, на которые готова была пойти Дания в разрешении спорных моментов. В частности, голосование сословного собрания в Гольштейне «должно стать «совещательным» голосованием», то есть «ни один закон не будет иметь силы <…> ни в отношении лиц, ни в отношении собственности без одобрения Сословий герцогства», таким образом, голштинцы получали контроль над всем, за исключением финансов. Относительно них датчане предложили следующий вариант: размер налогов, предназначенных для выплаты в общую казну, будет фиксированным и равняться средней сумме налогов за шесть лет, а если потребуются дополнительные субсидии, то они должны предоставляться казне только с согласия сословного собрания. Относительно Шлезвига уступки датского правительства сводились к следующему: жителям данной провинции предоставлялась «свобода «конфирмации» на датском или немецком языках, свобода частного обучения, полная амнистия за политические преступления и свобода объединения в неполитических целях между народами двух герцогств» [8, 2 Febr., P. 109]. Такие уступки, по мнению английских журналистов, датчанам надо было сделать еще десять лет назад.

Во-вторых, «The Spectator» пытается проанализировать реакцию немцев на действия датчан по урегулированию отношения с Гольштейном и Шлезвигом. Так, неоднократно проводится мысль о том, что датское правительство делает все, чтобы убедить Пруссию, что все его уступки сделаны по «его собственной доброй воле», а не под чьим-либо давлением. Этот тезис представляется спорным, поскольку датское правительство отправило свои предложения в Лондон и лорд Джон Рассел, министр иностранных дел Англии, хотел, чтобы Пруссия дала им свое одобрение и поддержку. Предложения были ей переданы. Как отмечает «The Spectator», английское правительство «лишь передавало их в надежде, что они приведут к откровенным переговорам; и было вынуждено сделать это, потому что они (англичане – Т. Г.) заинтересованы «в целостности датской монархии, и было бы жаль видеть силу Дании, которая не является значительной, ослабленной или разрушенной…» [8, 2 Febr., P. 109]. В целом эти шаги датского правительства были направлены на примирение с Прусским двором и Германской конфедерации. Но, как отмечает журнал, Пруссия твердо стояла на своем требовании, чтобы «Голштинская земля была практически независимой от Дании, то есть служащей Конфедерации (Германскому союзу – Т. Г.), но союзницей или равной Дании». Поэтому датчане не достигли желаемого, так как предложенное временное урегулирование оказалось неудовлетворительным, в частности, в вопросе о финансах Гольштейна. «В результате, – заключает журнал, – ни Конфедерация, ни Пруссия не могут заключить договор с Данией на этой основе, и поэтому датские предложения брошены на ветер» [8, 2 Febr., P. 109, 110].

Вопрос о Шлезвиге стоял еще острее. В целом Пруссия, как и Германия, настаивала на праве вмешательства в Шлезвиг с явной целью германизации этого герцогства и ослабления власти датского монарха. В журнале приводятся слова министра иностранных дел Пруссии Александра фон Шлейница, который заявлял, что для немцев предложения датчан были «неприемлемы», поскольку

«все уступки, которые должны быть сделаны этому герцогству, понимаются исключительно как исходящие из свободной воли правительства Дании и не истолковываются как признание власти Конфедерации (Германского союза – Т. Г.) в отношении Шлезвига. На это Конфедерация никогда не согласится». Далее он доказывал, что Конфедерация имеет право вмешиваться в дела Шлезвига, поскольку герцог Шлезвига имеет международные обязательства перед Германским союзом и должен их выполнять. Отсюда следовал вывод, который был озвучен Александром фон Шлейницем: «Если Шлезвиг будет объединен с Данией, если Шлезвиг будет лишен своей отдельной конституции, Германия может претендовать на право вмешательства» [8, 2 Febr., P. 109]. Такое смелое заявление удивило даже англичан. На что последовала их довольно интересна реакция. «The Spectator» ставит под сомнение сохранение суверенных прав короля Дании, которые «существовали бы только на словах», если бы Германия вмешивалась в регулирование каждой церкви и каждой школы в Шлезвиге. И далее следовала такая реплика: «Шлезвиг – очень древняя часть Датского королевства, и когда Пруссия, как Бранденбург, была еще в зародыше (дословно «в яйце» – Т. Г.), датчане уже были на Эйдере и Дания была королевством» [8, 2 Febr., p. 109]. В целом еженедельник солидарен с позицией британского правительства, которое открыто заявляло о своей заинтересованности в целостности Дании.

И в завершение обзора публикаций журнала «The Spectator», посвященных германскому вопросу, хотелось бы отметить ту роль, которую это издание отводит в перспективе Германии и, в частности, Пруссии в европейской политике. Уже выше отмечалась британская заинтересованность в объединенной Германии. 18 октября 1861 года в Кёнигсберге состоялась официальная коронация Вильгельма I Прусского. В тронной речи он объявил себя: «Король милостью Божьей», – что вызвало определенную критику у его либерально настроенных подданных. Но нас интересуют англичане. Британский еженедельник четко определяет позиции Англии в отношении Германии в континентальных делах – она должна быть «достаточно единой, чтобы быть одновременно независимой и сильной». Но без Пруссии ни то ни другое невозможно. У Германии есть только две альтернативы: либо «Германия бессильна», либо «Германия объединена под властью Гогенцоллернов». И это касается будущего как немцев, так и англичан. А далее приводились следующие рассуждения: «свободная и единая Германия» может выступить гарантом мира на континенте, и именно с ней Англия может заключить «сердечный и реальный союз», поскольку между ними нет «прямо противоположных интересов». И этот союз поможет предотвратить единственную опасность – «господство Франции или России в политических советах мира», а также удовлетворить единственную потребность англичан – потребность в армии, союзной и достаточно сильной, «чтобы противостоять армиям двух сражающихся монархий, если злой рок когда-либо объединит их вместе». Журнал обращает внимание читателей на немецкий флот, который часто высмеивается даже в карикатурах «Punch». Но смех неразумен, замечают журналисты, потому что у Германии есть морское побережье и моряки, «хотя ни те ни другие не отвечают ее потребностям». У нее есть тысяча миль морского побережья с достаточным количеством портов, и ее моряки кишат во всех флотах, за исключением ее собственного, от Балтийского до Охотского. Сильный немецкий флот возможен, заключают они. И ничего не мешало англичанам мечтать о том, «что, если бы Англия и Германия были искренними союзниками, мы могли бы еще раз

ограничить наши военные расходы содержанием нового флота» [9, 26 Oct., P. 1167].

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что Германия и особенно Пруссия были представлены на страницах британского еженедельника, с некоторой настороженностью. С одной стороны, журналисты акцентировали внимание читателей на определенных слабостях и колебаниях представителей правящих элит Пруссии и Германского союза, или, как называли в журнале, Конфедерации. С другой стороны, они явно отмечали заинтересованность Британии в объединенной Германии и отмечали здесь знаковую роль Пруссии. Они видели в ней силу, которая сможет противостоять другим европейским державам – Франции, Австрии и России. Английский еженедельник спрогнозировал необходимость для Германии сильной армии и флота. И ведь, действительно, они были правы! Через несколько десятков лет именно германский флот составил конкуренцию британскому. Эти рассуждения английских журналистов можно объяснить лишь тем, что их время – это начало только 60-х гг. XIX века, и ни они, и никто другой не мог предвидеть складывание военно-политических и геополитических факторов, которые приведут к противостоянию этих двух держав в будущем.

Библиография:

1. История XIX века / Под ред. Лависа и Рамбо. Т. 5. – М.: ОГИЗ. – 1938. – 312с.

2. История дипломатии: [Сб.] /Сост. А. Лактионов. – М.: Аст. – 2005. – 943с.

3. Монархи Европы: судьбы династий. – М.: Республика. – 1996. – 623с.

4. Палмер А. Бисмарк / Пер. с англ. И.С. Соколовой и др. – Смоленск: «Русич», 1998. – 544 с.

5. Палудан Хельге. История Дании. – М.: Весь мир. – 2007. – 608с.

6. Энгельс Ф. Движение в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. Т. 15. – С. 246-249.

7. Ernst II (Duke of Saxe-Coburg-Gotha). Memoirs of Ernest II. Duke of Saxe-Coburg-Gotha. Vol. 4 / Translated from the German by Percy Andrea. – L.: Remington, – 1890. – 325p. [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.org/details/memoirsofernesti01ernsuoft.

8. The Spectator. 1861. – Part 1. – Vol. 34. – Jan-Jun.

9. The Spectator. 1861. – Part 2. – Vol. 34. – Jul-Dec.

References:

1. Istoriya XIX veka (1938) [History of the XIX century] / Pod red. Lavisa i Rambo. T. 5. – M.: OGIZ. – 312s. (In Russ.).

2. Istoriya diplomatii (2005) [History of diplomacy]: [Sb.] /Sost. A.Laktionov. – M.: Ast. – 943s. (In Russ.).

3. Monarkhi Yevropy: sud'by dinastiy (1996) [Monarchs of Europe: the fate of dynasties]. – M.: Respublika. – 623s. (In Russ.).

4. Palmer A. (1998) Bismark [Bismarck] / Per. s angl. I.S.Sokolovoy i dr. – Smolensk: «Rusich», 1998. – 544c. (In Russ.).

5. Paludan Khel'ge. Istoriya Danii [History of Denmark]. – M.: Ves' mir. – 2007. – 608s. (In Russ.).

6. Engel's F. Dvizheniye v Germanii [Movement in Germa] // K.Marks, F.Engels. – Soch. T.15. – S.246-249. (In Russ.).

7. Ernst II (Duke of Saxe-Coburg-Gotha). Memoirs of Ernest II. Duke of Saxe-Coburg-Gotha. Vol. 4 / Translated from the German by Percy Andrea. – L.: Remington, – 1890. – 325p. [Elektronnyy resurs]. – URL: https://archive.org/details/memoirsofernesti01ernsuoft (in Engl.).

8. The Spectator. 1861. – Part 1. – Vol. 34. – Jan-Jun. (in Engl.).

9. The Spectator. 1861. – Part 2. – Vol. 34. – Jul-Dec. (in Engl.).